

Юрий Шиляев

Родился в Алтайском крае. Окончил экономический факультет Алтайского государственного университета. Был руководителем Объединения Поэтов Алтая. Публиковался в журнале «Ликбез». Живет в Беларуси.

ДОМИК НА ДЕРЕВЕ

Четыре тридцать утра. Подъем. Приготовить завтрак. По-кормить птицу, собак, поросенка. Корову подоить. Молоко вечером просепарировать. Муж уходит в шесть, ей к восьми. Завтра суббота, сделать генеральную уборку, поставить тесто, напечь пирогов — приедут дети, каникулы начинаются. Жаль, короткие зимой. Летом длиннее, но летом детей домой не заманишь, летом в лесу на хуторе сидеть — радости мало. Молодые, им не понять, что мать без детей чувствует...

Аня и Веня, двойняшки. Муж шутил, что за один раз план по рождению детей выполнили и перевыполнили. Сейчас уже большие. Веня в сельскохозяйственном техникуме учится на агронома, Анюта решила стать пекарем. Пошла в гродненское училище, хотя они с мужем и возражали, и уговаривали окончить десять классов и поступить в институт. У дочери характер, не в пример мягкому покладистому сыну, как сабля — стальной: если какая блажь в голову придет, колом не выбьешь.

— Не нужно мне ваше высшее образование! Что я с ним делать буду? В конторе циферки считать? Или всю жизнь

Ирина Боброва

Родилась в Барнауле, но детство и юность провела на юге Киргизии. Пишет прозу в жанре фэнтези. Публиковалась в журнале «Барнаул литературный». Живет в Беларуси.

в поликлинике, по сорок человек за смену больных, и карточки... Спасибо, не хочу я такого счастья!

— А пекарем тебе счастье? — спросил тогда муж, уже внутренне соглашаясь отпустить дочь.

— Ага, — Аня рассмеялась. — Да что вы переживаете. Среднее образование будет, профессия тоже.

— Но почему пекарем-то? — удивилась Софья.

— Профессия востребована. Везде возьмут. В Польше устроиться проще будет. Мам, ну что ты переживаешь, я уже все решила! Ну, были бы у меня математические способности, пошла бы на программиста учиться, здесь осталась. Хотя нет... все равно бы уехала. Ну что мне эта Беларусь? Вся Европа рядом. Вот с Польши и начну.

— А закончишь борделем в Голландии?

— Володя! — одернула она мужа. — Что ты такое говоришь? Не стыдно? Хочешь, чтоб Аня, как я, белкой в колесе крутилась? Работа — дом — огород — птицы — свиньи — коровы? И так всю жизнь?! Ты вот сколько обещаешь, что в отпуск на море съездим —

и что? То тебе крышу менять, то паркет потребовался, то потолки натяжные. Крыльцо вон с колоннами сделал. Зачем? Обвалится оно без колонн? И так бесконечно. Пятнадцать лет ремонта, инструменты из рук не выпускаешь. Я скоро тоже начну котлеты на сковородке шпателем переворачивать!

— Для тебя же стараюсь, Сонечка! — и, повернувшись к дочери, сказал: — Делай, как знаешь. Твоя жизнь, Анна. Только тогда и Вениамин пусть в гродненский колледж поступает — все не одна будешь.

Приезжают на каникулы редко. Пусто в доме стало. Раньше вся жизнь вокруг детей крутилась. Теперь она вроде бы и старается занимать себя, не сидит без дела, а остановится на минуту — в доме тишина. Оглушающая тишина. Ругаться с Володей стали. На пустом месте ссоры. В основном из-за ремонта, из-за постоянной занятости мужа, из-за одиночества. Она понимала, что без детей их жизнь дала трещину, но ничего не могла с собой поделаться — муж Володя жил домом, для него дом тоже был своего рода детищем, а ей этого мало. Софья иногда ловила себя на мысли, что дочь права. И ей тоже хотелось уехать — куда угодно, только чтобы было по-другому. В этом году дети закончат учебу, и что дальше? Анна точно здесь жить не будет. Вениамин? Тоже неизвестно. Два года-то он в Щепичах отработает, а дальше?

Они с мужем переехали в Беларусь из России, жили в Октябрьске, это на севере Омской области. Оба — коренастые, темноволосые, темноглазые, скуластые — сильно отличались от белорусов. Односельчане долго привыкнуть не могли. Как-то на почте незнакомая женщина спросила напрямую: «А вы кто по национальности? Очень уж вы маде ин не наша». Софья тогда улыбнулась, ответила: «Русские». Не объяснять же, кто такие коми, пермяки, зыряне, мари́йцы и прочие. В России, особенно на Севере, малых народов так много, что и не перечислить. В крови намешано столько, что и не разобрать, какого ты рода, кто по национальности. А здесь каждый человек, непохожий на коренное население, выделяется, бросается в глаза. Володя рассказывал, что Беларусь — мононациональное государство, и процент людей другой национальности очень мал. Теперь уже к ним привыкли, вопросов не задают. Прижились, получили гражданство.

Эмиграция такая штука — если есть что терять и куда вернуться, она не состоится. Софье с Владимиром терять было нечего: своего жилья по молодости не нажили, снимали комнату в общежитии. Планировали купить квартиру в ипотеку, машину, но все планы обрушились в один момент — кризис. Закрылся последний в городе завод, работы не было, и перед молодой семьей встал выбор: либо перебираться в Москву, либо еще дальше. Когда муж пришел и молча положил перед ней два билета до Минска, она только улыбнулась: там тепло! Там не будет морозов по сорок и пятьдесят градусов ниже ноля, не заметут черные бураны, а тротуары уж точно не будут напоминать прорубленные в снегах тоннели. Там растут персики и абрикосы, а яблони — как в Сибири березы... Она даже не стала спрашивать, не сомневалась, просто собрала вещи.

Единственный вопрос, который задала тогда:

— Почему именно Беларусь? У нас ведь там никого нет.

— А у нас, Сонечка, нигде никого нет. Вся родня здесь, в Омской области и дальше на север. Нет, ну если ты хочешь в Нижневартовск или в Тюмень...

В Тюмень она точно не хотела.

Сначала жили в Минске. Муж устроился на завод, получил комнату в общежитии. Софья тогда была в шоке: она слышала, что в СССР жилье не покупали, а получали. Но, как говорят, это было давно и неправда. Оказалось, что правда. Муж тоже удивился, сказал, что как в Союзе себя почувствовал. Он старше Софьи на семь лет и застал еще закат, как он выражался, «советской цивилизации». Софья быстро нашла работу, устроилась продавцом в магазин, оттуда же ушла в декретный отпуск.

Когда муж затеял переезд в деревню, двойняшки еще не родились, Соня была на девятом месяце. Просила немного подождать, пожить в общежитии, но Владимир остался непреклонен. Сказал, как отрезал:

— Мои дети в общежитии жить не будут! Сонечка, я все понимаю, но и ты пойми: в одной комнате с двумя детьми? На головах друг у друга сидеть будем?

Устроился в Щепичи, недалеко от Клецка поселок. Приехал и говорит с порога:

— Пляши! Я дом купил! На хуторе. По президентской программе строили. Хороший! Там раньше управляющий отделением жил, потом ферму закрыли. Дом почти в лесу, и на два этажа с печным отоплением желающих не нашлось — топить много. Долго пустой стоял. Там, конечно, подремонтировать надо будет, но ты же меня знаешь — в лепешку расшибусь, а все сделаю!

— Володь, да что же там за три базовых-то¹? — она едва не заплакала, но муж просто светился.

— Сонечка, тебе понравится! Я его увидел — влюбился просто! А когда узнал, что пустой стоит, едва в ладоши не захлопал. Его недавно выставили на продажу. Я даже думать не стал — так повезло! Представь, подъезжаем, закат, и дом розовый стоит. Я тебе говорил, что из белого кирпича? Короче, сто шестьдесят квадратов. Участок большой, сараи целые. Почти. Отопление уже восстанавливают. С электриками тоже договорился — свет на неделе проведут. Остальное доделаем потихоньку. Да, я уже в детской покрасил полы и сменил окно. Ну, чтобы ребятишкам краску не нюхать. А со временем я такую картинку из него нарисую, конфетка будет, а не дом!

Софья вздохнула: семнадцать лет от этой «конфетки» оторваться не может, все не нарисуеться никак.

Суббота прошла быстро. Весь день готовила: блинчики с повидлом, пироги с капустой для Вени, Аня капусту не любит, ей с картошкой. Булочки. Борща наварила. Для Ани. Мясо по-французски сделала. Для Вени. На шашлык мясо замариновала. Гуся в печи зажарила. Хороший получился, с хрустящей коричневой корочкой.

— Мать, ты увлеклась. У тебя кулинарный психоз начался, — пошутил муж. — Можно подумать, что не два студента, а весь техникум нагрянет.

Софья только отмахнулась, нарезаая салатки:

¹Базовая величина в Беларуси — это показатель, который используется правительством страны для вычисления размеров пенсий, пособий, налогов, сборов и взысканий. Базовая величина была установлена в 2002 году вместо минимального размера оплаты труда.

— Не съедите все, пороссятам отдам. Пороссята спасибо скажут. В воскресенье едва дождалась, пока муж привез ребятишек со станции. На этот раз с дочерью приехала подруга, Алесья. Девочка скромная, молчаливая, и, не в пример ее Ане, не избалованная.

— Мамулечка! Как вкусно пахнет! С чем пирожки?.. — с порога воскликнула Аня и схватила один из тарелки.

— Ты хоть руки с дороги помой, — Софья хлопотала, накрывая на стол.

— Какой большой дом! — сказала Анина подруга. — И так уютно, красиво.

— Алеська, ты еще мою комнату не видела. На втором этаже вообще супер. Там даже зимний сад есть, с гамаком. Пошли, я тебе тут все покажу, — Анна потянула подругу к лестнице.

При детях родители старались не ругаться, да и не до ссор было. Каникулы пролетели быстро, и уже в машине, собираясь везти детей в Гродно, Володя спросил:

— Сонь, карту забыл. Агропромовскую. Принеси. Заеду в магазин. Надо гвоздей купить, и саморезы тоже кончаются.

— Господи! Да я сама уже с этим ремонтом скоро кончусь! — она всплеснула руками. — Сколько можно? Люди жалуются, что соседи во время ремонта стучат, как дятлы, а у меня в доме дятел живет!

— Да что дятел-то? Что сразу дятел? Там домик на дереве под-ремонтировать надо, — проворчал муж.

— Дети уже выросли. Зачем им домик на дереве? — она устало присела на ступеньку крыльца.

— Так внукам. Внуки будут приезжать. У нас же когда-нибудь будут внуки? А, дочь? Подаришь нам внуков? Хотя нет, Вениамин скорее внуками обрадует!

Дочь рассмеялась, а сын смутился. Софья устало вздохнула:

— Володь, мне сорок три года, и ты из меня бабку хочешь сделать? Хотя... знаешь, смотрю на себя в зеркало иной раз — бабка и бабка. В платке, в фуфайке. Вечно эти куры, гуси, пороссята... надоело. Слушай, давай продадим хозяйство и съездим куда-нибудь? Да хоть в ту же Польшу? В Гданьск? Красивый город, я в Интернете смотрела. Или в Италию? Там море теплое, красиво.

— В другой раз, я тут крышу перекрывать надумал.

— Да чтоб она тебе на голову свалилась, эта крыша! — рассердилась она.

Ссору неожиданно для всех прекратила Алеся:

— Мы бедно жили, — сказала, будто невпопад. — В доме две комнатки, и нас пятеро детей. Отец пил, мать на двух работах трудилась. А я младшая. Мне всегда обноски от сестер доставались. Знаете, когда мне первый раз купили новое платье, я так рада была. И до сих пор помню, как оно пахло, как шуршало. Никогда не забуду. Наверное, если бы мне часто покупали обновки, я бы не радовалась им.

— Алесь, ты к чему это? — Аня удивилась, а Алеся — маленькая девушка с грустными голубыми глазами ответила:

— К тому, что вы забыли, как радоваться. Ведь радовались когда-то этому дому? Я в таком большом никогда и не была даже. У вас красиво, как в сказке. — Она смутилась, замолчала.

Машина уже скрылась за поворотом, а Софья все смотрела вслед. Стояла, пока не замерзли ноги — забыла, что выскочила в тапочках. Забежала в дом — как тепло! Постояла у печки, потом поднялась на второй этаж, будто впервые обратив внимание на лестницу: ни одна ступенька не скрипнет! Володя своими руками делал, перила отполированы так, что сверкают. Прошла на веранду. Улыбнулась: зимний сад... Сколько сил вложено в него! Когда приехали, здесь были остатки балкона. Теперь солнечная, просторная комната с гамаком и цветы. Когда муж задумал провести сюда отопление, она возражала, а Володя говорил: «Подожди, увидишь, какая здесь сказка будет!» И действительно, как в сказке — особенно когда за окном снег, а здесь цветы, все увито зеленью. Декабрист вот зацвел. И фиалки...

Она вспомнила, как впервые приехала сюда. Красивый коттеджный городок, весь в цветах и фруктовых деревьях.

— Вов, а почему одни дома в сайдинге, под новыми крышами, а другие будто бесхозные? Вижу, что люди живут, но вон тот коттедж с садом, а следующий даже без деревьев. И штукатурка отвалилась.

— А потому, Сонечка, что сайдингом колхозный дом покрывать никто не будет. Те, что ухожены, люди выкупили.

А те, что от предприятия, они вроде как без хозяина. Ну, представь, человек контракт на год заключил, продлят потом или нет — неизвестно. Что он, вкладывать будет, перестраивать? Нет, конечно. А вдруг контракт не продлят, и что? Деньги коту под хвост. Сайдинг ведь в карман не положишь и с собой не увезешь. Вот и получается, что дома до выкупа вроде как временное жилье. Мне вот этот дом, — махнул рукой в сторону аккуратного коттеджа, — хотели дать, но я отказался.

— Там зато газ есть, а нам печку топить надо будет.

— Всю жизнь хотел, чтобы дом с печкой был! — муж засмеялся. — Мы же мечтали о большом доме? У тебя огромная кухня, детям по комнате, спальня, зал. И участок большой. Сейчас увидишь, там все есть, точь-в-точь, как хотели!

Дом стоял километрах в трех от основного поселка. У Сони дух захватило: розовый, в лучах закатного солнца, на фоне сосен, он казался игрушечным. Но тут же взгляд упал на остатки забора, на покосившиеся сараи, на заросший бурьяном и крапивой огромный огород. Кое-где в сорняках виднелись кустарники, разрослись слива и алыча — сквозь них Володя уже прорубил просеку к крыльцу.

— Сонь, сама понимаешь, порядок еще не наводил, вещи распакуем завтра. Я там поскорее с отоплением старался управиться. Одна комната приличная — даже обои наклеил. Ну как тебе домик?

— Дом прекрасный, такой, о каком я даже мечтать не могла, — воскликнула она. — Но, Вов, анекдот вспоминается про «дайте две».

— Напомни, — он помог жене выбраться из машины. — Давай аккуратненько, я тебя сейчас устрою и — помчал. Сегодня мое дежурство по колхозу. Чтобы телефон рядом был, если что — звони.

— Вов, мне рожать через полтора месяца, чего звонить-то?

— Да мало ли, все равно беспокоюсь. Так что там с анекдотом?

— Мужчина приходит к доктору и спрашивает: «Доктор, у вас есть таблетки от жадности?» Тот отвечает: «Есть. Вот вам одна». А тот ему: «Дайте две!» Это я про дом и про мечты — мечтайте аккуратно, вдруг исполнится. Вова, он такой огромный!

Здесь только окон тринадцать штук или больше! Страшно... А если ремонт не потянем?

Владимир рассмеялся:

— У меня руки откуда надо растут, так что можешь не сомневаться — справимся...

Теперь и не верится, что семнадцать лет прошло с того дня. Софья полила цветы, сложила в стопку одеяла, поправила гамак. Приподняла легкую капроновую занавеску и улыбнулась: по заснеженному полю метнулась огненной искрой лиса. Красиво здесь все-таки! Когда первый раз увидела стадо косуль, — подошли почти к самому дому, — помнится, завизжала как маленькая от восторга. «Сейчас уже почти не обращаю внимания», — вздохнула она. Правильно Алеся сказала: забыли, как радоваться надо. Вот и я забыла, потому что часто смотрю на эту красоту, не замечаю ее, уже и глаз замылился.

Она вышла, прикрыла дверь. Прошла в спальню к комоду. В нижнем ящике лежали альбомы с фотографиями. Достала самый старый. В нем нет фото детей, их с мужем тоже. В нем только фотографии дома. Что-то вроде дневника. На одну страницу она приклеивала фотографию, а на другой делала заметки.

Софья уселась в кресло-качалку, положила альбом на колени. Первая страница. Фото дома, каким его увидела впервые, и черными чернилами на следующем листе: «Робинзоном я себя почувствовала сразу же, как только приехали. Муж привез меня, положил на пол матрас, извинился, что не успел собрать кровать, и уехал на заготовку сенажа в ночную смену. Дом огромный — сто шестьдесят квадратов, света нет, замка нет. Замотала ручки проволокой, а к двери на втором этаже приставила обрезок трубы. Уснула под шум дождя. От сквозняка железка свалилась — грохот, думала, рожу со страху. Больше заснуть не получилось, всю ночь простояла у окна, пытаюсь понять, кто же так противно мяукает? До утра дожидка. Вспомнилась книга «Борьба за огонь». В незнакомом доме в первый день я себя чувствовала сразу всем племенем, оставшимся в диком лесу в темноте. Адреналин просто-таки ядерный».

Она улыбнулась: надо же, а ведь совсем забыла ту первую ночь в доме, когда ей, городской жительнице, было действительно жутко. Хорошо, муж звонил каждые полчаса, успокаивал, развлекал.

На следующем фото ободранные потолки в зале, прошпаклеванные стены, обои еще не наклеены, но уже куплены. Влезли тогда в кредиты, сразу заменили все окна, купили стройматериалы. И обои она выбирала так, чтобы в доме было как на картинке из журнала про Францию: светлые, похожие рисунком на милый летний ситчик.

«Выяснилось, что мяукают ушастые совы — сначала планируют мимо окон, потом садятся на провода и начинают. Почти как котята, если бы они охрипли. В окно видно Большую Медведицу. С трех утра Марс, красный-красный, в другом окне. А вот утром готовить — электричества нет. Поставила кирпичи и кашеварю. Хворост, огонек — блинчики прелесть. Лес вокруг сказочный. Когда из него выхожу и вижу дом на фоне заката и ржаного поля — счастлива. Почему-то всегда вспоминаю «Лунную долину» Джека Лондона...».

Электричество подключили только через неделю, но готовить на костерке ей больше не пришлось — муж привез плиту и баллоны с газом. К хорошему быстро привыкаешь, забыла, как радовалась новой кухне, на которой из мебели был старенький буфет, стол и две табуретки. Со стен только сняли плитку, печь — большая русская — тогда была заштукатурена и еще не облицована...

Софья смотрела на фото и думала: когда же она перестала радоваться? Ведь поначалу каждая новая кастрюлька была событием. Она перевернула страницу: «Не сплю. В соседней комнате в ведро капает вода: кап-кап-кап. Дождь, протекает крыша. Муж шепчет на ухо:

— О чем думаешь?

— Стихи вспоминаю.

— Какие?

— Под старыми телегами рабочие лежат, через четыре года здесь будет город-сад, — продекларировала с выражением.

— Сонечка, ну, во-первых, успокойся, и сад будет, и все остальное будет, а во-вторых: Бог дает — надо брать.

— Ага... Как в том анекдоте: вот вам таблетка от жадности...

— Соня, а тебя назад не тянет?

— Вов, ты что? В Сибирь? Б-ррр. Мне в Беларуси нравится.

Он уснул, а я долго не спала, лежала с открытыми глазами и думала. Вспоминала, как жили в Сибири, сравнивала со своей жизнью здесь. Комнатка в общежитии, утром на работу. Темно и холодно. В коридоре стоят соседи, молча, не шевелясь. Я попыталась пройти мимо и застыла: на лестничной площадке, прямо на холодном бетонном полу, сидит девушка лет семнадцати, лицо счастливое-счастливое, гладит лицо паренька, иногда наклоняется и целует его. Кто-то из соседей говорит, что парень уже часа два как умер, что уже остывает. А девушка не понимает этого, она улыбается, ей хорошо, она счастлива. До следующей ломки счастлива...».

Софья вспомнила, как ей тогда было жутко от такого вот «счастья», как она, плача, рассказывала про утренний случай мужу, а тот ее успокаивал. Шприцы на лестницах в Октябрьске были делом привычным, так же как заваленный пузыряшками из-под настоек боярышника двор, так же как бомжи на скамейках в парках, а ночью в подъездах, так же как алкоголики, валяющиеся возле гаражей. Сибирский депрессивный рабочий район. Комбинат, дававший жизнь поселку, обанкротился и «умер», а люди... Люди либо уезжали, либо «умирали» вместе с поселком.

Первое, что поразило ее в Беларуси — это дети. То, что они ходят одни, без родителей. Девочки и мальчики с портфелями, по возрасту класс первый-второй, возвращаются из школы без сопровождения взрослых. Дети во дворах гуляют одни. В Октябрьске увидеть ребенка одного практически невозможно, даже на детской площадке дедушек-бабушек, мам и пап порой больше, чем ребятишек. И это было тогда естественно.

Беларусь казалась ей сказкой. Около двенадцати дня, хоть часы сверяй, прилетает аист, начинает прогулку с огорода, потом идет на луг. Вечером на лугу танцуют журавли. «Как будет дальше — не знаю, — читает Софья. — Пока идет борьба за огонь... Окна, слава Богу, заменили все — их четырнадцать. Крыша течет в двух местах. Но все равно, даже если бы сама выбирала дом — лучше бы не выбрала! Как же мне здесь хорошо...».

Странно, а почему сейчас-то плохо? Она искала ответ и не находила его. Когда же ей стало здесь плохо? В какой момент? Ведь отъезд детей — не причина ссор и плохого настроения, длящегося

плохого настроения. Наверное, копилось давно. Может, действительно, монотонность, хозяйство, ощущение беличьего колеса и чувство, что так будет всегда — всю жизнь?..

Следующая запись вызвала улыбку. Володя тогда перепугался невероятно, ругался так, будто она полноги себе оттяпала. А на следующий день вычистил весь двор и огород, собрал осколки стекла, доски с гвоздями, мусор: «День четвертый: укуси меня пчела! Зачем я пошла в сарай — до сих пор не знаю. Но по результату — гвоздь мне в пятку! Неделю прыгала на одной ножке, к счастью, обошлось без гангрены и прочих гадостей. Прививки от столбняка мне сделали еще в Минске».

Софья смахнула слезу: как получилось, что они с Володей перестали разговаривать? Так, как раньше, по душам? Она этого не заметила. Как не заметила момента, после которого муж перестал быть для нее мудрым и стал скучным.

Последняя страница: на фото детская комната, веселые обои, белые занавески, и на полу коврик, пушистый, мягкий. В углу манеж, рядом на стене куча замков, щеколд, застежек, молний — Вова сделал для ребятишек. В окне видны три сосны, меж стволов уже установлена платформа для домика на дереве.

«Сейчас дом потихоньку обживаетея, уже стал теплым и приветливым, светлым и добрым. А с ремонтом справимся. Работы еще много, но уже чувствую себя дома — действительно дома, и хочется, чтобы так оно и было.

В Беларуси часто можно услышать: «Корона не свалится, если спину согнешь». Вообще-то я нос и не задираю, но один мой родственник, который раньше долго жил в Беларуси, сказал мне перед отъездом из Сибири: «Белорусы любят несгибаемых. Они сами такие. У вас все получится!» Я надеюсь на это. Мужа на время уборочной перевели взвешивать машины с зерном, уходит утром и возвращается с работы ночью. Я без него учусь. Гвозди забивать, например. Вова ругается на меня. Но ведь он один не справится, мы же вместе! И пусть пока — по пальцам, но терпение и труд, и все получится!..».

— Вот ты где! — Володя подошел к жене, присел рядом на подлокотник кресла. — Дневник? Я его часто перечитываю.

— Да? — удивилась она. — А я про него совсем забыла. Ты быстро вернулся. Не поехал в Гродно?

— Не маленькие, сами доберутся. Я вот что думаю, может, действительно махнем куда-нибудь в отпуск? Ну его, этот ремонт?

— Не знаю, мне тут Аня по секрету шепнула, что у Вениамина с Алесей роман. Похоже, серьезно. Так что давай, отремонтируй домик на дереве, перекрывай крышу, и в детской надо будет ремонт сделать, они к осени уже приедут. А море... — она рассмеялась. — Володь, будет и на нашей улице море... Потом. Когда-нибудь. Володя... а ты помнишь, когда я последний раз говорила тебе, что люблю?

— Давно. Очень давно. А ты еще меня любишь? Старого и седого?

Софья прижалась к мужу, улыбнулась:

— Люблю.

— Кстати, ты нашла мою карту? Агропромовскую?

— Зачем?

— Так домик на дереве... гвоздей надо купить. И саморезы кончаются...

КЛАД

День летний, жаркий. В воскресенье у фонтана с утра людно, визжат ребятишки, бегают, ловят руками брызги. Родители сидят на скамеечках под ивами, мамы часто с мороженым, папы с газетой или телефоном. Бабушки, отрывая взгляд от вязания, строго смотрят, чтобы чадо не упало в воду или не влезло на дерево. Но это в выходной.

Сегодня понедельник, тихо и пусто, до вечера точно не будет отдыхающих. Люди спешат по делам мимо фонтана, по выложенной каменной плиткой дорожке, вдоль металлического забора, ограждающего клумбу. Забор невысокий, метр двадцать или чуть ниже, сделан только для того, чтобы дети не выбегали на проезжую часть.

Кособоко прислонившись к заборчику, на жару стоит дед. Тросточка повешена на сгиб локтя, рука протянута за милостыней.

И подают. Старый, немощный, но на попрошайку не похож — опрятный, одежда чистая, глаженная. Когда ему подавали, он слегка склонял голову и, тяжело вздыхая, говорил: «Благодарствую, добрый человек», — и клал мелочь, а чаще купюры, в карман лет сто назад вышедшего из моды пиджака.

Об этом старике писали в Интернете, даже был ролик. Я тоже читал о нем в «Одноклассниках». На видео дед не мог вспомнить, где он живет, как его зовут и кто он такой. Под видео шквалом комментарии, мол, до чего довели страну — пенсионеры побираются! Потом кто-то написал, что дедушку якобы устроили в дом престарелых. Я не следил за судьбой старика специально, просто когда видео с ним в главной роли попало мне на глаза второй раз, взял сотовый и позвонил его сыну. Старик жил со мной на одной площадке, и я точно знал, что он не бедствует.

Деду семьдесят восемь лет, зовут его Евгением Федоровичем, сына он назвал Федором, был еще внук, согласно традиции названный в честь деда Евгением. Пенсия у старика хорошая, сын тоже ежемесячно перечислял деньги отцу — помогал. И номер его телефона появился у меня в контактах не случайно: Федор Евгеньевич еще три года назад зашел ко мне с просьбой, если что-то с отцом случится, сразу звонить. Но сам к отцу в гости не приходил, праздники тоже старик встречал в одиночестве. Я знал, что уже много лет они в ссоре, была какая-то темная история, но в подробности не вдавался: «здравствуйте» и «до свидания» — пожалуй, все слова, которыми получалось перекинуться с нелюдимым соседом. Хотя после того, как сын все-таки приехал и лично забрал отца с его «поста» у фонтана, я осмелился спросить, почему старик стал побираться? Федор Евгеньевич сердито ответил: «А чтобы мне жизнь раем не казалась!»

Через пару дней после этой истории к соседу приехал внук, Женя, парень лет двадцати. Я привычно здоровался, но ближе познакомились через неделю — застал его за разгрузкой фургона со стройматериалами. Наблюдая, как он пыхтит, пытаюсь в одиночку втащить рулон линолеума на пятый этаж, предложил помощь. Евгений, не в пример деду, оказался парнем контактнм, разговорчивым:

— Почему с отцом не общается? Да там вообще непонятно. У деда шкатулка пропала с чем-то ценным... Да кто его знает, что в шкатулке было, никто не знает, а дед или забыл, или говорить не хочет. Может, просто шкатулка сама по себе дорогая... Он на отца, тот на деда — ну и разругались. Дед его вообще видеть не хотел. А тут такой скандал с попрошайничеством, знаешь, отец начальник цеха на крупном заводе — и такой позор! На всю страну прославился... А тут я проштрафился, батину машину взял без спроса и утопил в речке. Отдыхать с друзьями ездили. Огребся, конечно, не слабо... Ну он меня в воспитательных целях откомандировал к деду. Ремонт сделать, за дедом присмотреть. Не, он прав, конечно, мозгами надо было думать. А к деду почему? Сказал, оба меня позорите, так что найдите общие темы для разговора.

— Мягкое наказание, — я рассмеялся.

Но Евгений в ответ вздохнул:

— Ты деда не знаешь. У него ни встать, ни сесть, ни воздуха полной грудью вдохнуть.

— Почему?

— Ну так а вдруг много надышу — и весь воздух кончится? — он невесело усмехнулся. — Вот мы сейчас с тобой лоджию забьем обоями и прочим, а думаешь, он разрешит ремонт сделать? Нет! Он на черный день оставит и даже прикосаться запретит. Он и про ремонт отцу напел, чтобы я на лоджию выходить перестал. Я там кофе обычно утром пью. Пил...

— И правильно, давно надо было прекратить это безобразие, — Евгений Федорович-старший стоял на площадке у открытой двери и слышал жалобы внука. Он посторонился, пропустив нас в квартиру, и тут же захлопнул дверь, закрыв ее на все замки. — Коооо-фа он пьет, — протяжно передразнил внука дед. — Чашечку коооо-фа... Знаешь, как его пьет? Ставит полный чайник, кипятит, потом заварит вот такую финтюльку, — старик провел ногтем большого пальца по кончику указательного. — С наперсток, палец оттопырит и полчаса по глоточку швыркает! Чашка малюсенькая, а чайник полный кипятит... А сколько потом за газ платить, ему не интересно.

— Дед, ну не стыдно? За твой газ отец мой платит, а заодно и за воду с электричеством.

— Стыдно в чужом кармане деньги считать, — отрезал старик. — Это ты в отца такой. Тот вот тоже погостил у меня, и шкапулка пропала. Чего ждать от внука? Что пропадет?

— Сундук с деньгами, — огрызнулся внук. — Распечатывай давай свой сейф, выпускай нас.

Дед ничего не ответил, медленно открыл все пять замков и распахнул дверь, сам при этом встал на пороге так, что пришлось протискиваться мимо. Только мы вышли, как снова загремели замки.

— Вот так всегда, — пожаловался Евгений-младший. — И, представь, ключей у меня нет. Не дает ни в какую! Приходится звонить, стучать, ждать, потом выслушивать о себе много лестного.

Признаюсь, меня удивило повторное появление Евгения Федоровича у фонтана. Обычно профессиональных попрошаек знают, их в Минске немного, и в основном «гастролеры»: останавливаются транзитом из Киева в Москву или из Москвы в Латвию. Да кто знает, какими маршрутами кочуют мошенники? Но те, кто действительно попал в затруднительное положение, очень скоро пропадают с улицы. Как правило, подключаются все: местные власти, социальные службы, волонтеры. Они подыскивают работу и жилплощадь тем, кто нуждается, пожилых устраивают сначала в больницу, пока отзовутся родственники, потом — если таковых нет — в дом престарелых. Здесь был другой случай, и даже мне, соседу, непонятно упорство этого совсем не бедного человека.

— День добрый, Евгений Федорович! Проводить вас домой или сразу звонить сыну?

— Не надо, — ответил старик. — Меня уже человек пять на телефоны зафотографировали, — он посмотрел на часы. — Через час сын сам прибежит как миленький. А проводить — проводи, торт купить надо. Поможешь донести?

Торт он выбирал долго, зашли в один магазин, потом в другой, и только в третьем старик удовлетворенно хмыкнул:

— Вот этот! Всю коробку взвесьте, — обратился он к продавщице. — Ко мне сын сегодня приедет, — это уже в ответ на мой вопросительный взгляд. — Мириться буду.

После таких слов задумался, как попроситься в гости: признаюсь, любопытство просто сжигало меня! Я переехал три с половиной года назад, после развода с женой, в однокомнатную квартиру и долгое время думал, что квартира напротив пустует. С остальными соседями сильно не сошелся. Да и некогда было, работа занимала почти все время. Но сейчас уволился со старого места, и пока искал новое, был свободен, иначе вряд ли бы вообще узнал о попрошайничестве старика и о его родственниках. Но напрашиваться не пришлось, старик сам пригласил меня.

Внук Женя встретил нас едва не с объятиями:

— Ну наконец-то! Дед, ты где был так долго? Я уже не могу!!! Ну что там у тебя? — он подпрыгивал, как маленький ребенок перед распаковкой новогодних подарков.

— Осади, неслух, — с напускной строгостью сказал Евгений Федорович-старший. — Погоди, сейчас отец твой приедет и все расскажу.

— Представляешь, нашли шкатулку! — Женя сделал круглые глаза, соединил руки и развел ладони: — Вот такая, побольше теннисного мяча, круглая, с камешками и замочком. Знаешь, как нашли? Дед ругаться начал, когда я обои со стен содрать решил, да рассердился так, что по стене кулаком стукнул. А кулак, представляешь, сквозь обои в стену провалился. Ну, мы бумагу оторвали, а там что-то вроде ниши — так, пары кирпичей нет на месте. Ну и шкатулка в тайнике, под обоями. Дед расстроился. Представляешь, он сам туда шкатулку положил, и никто не знал, что под обоями тайник есть, а потом новые пять лет назад наклеили, да видно маляры поленились старые содрать, не заметили. А дед думал, что стащили шкатулку, ну кто же мимо такой красоты пройдет? Из-за этого и поругались с отцом. Что тот чужих людей в квартире оставил, а его не разбудил. Вот уже второй час прыгаю, дед не разрешил открыть, а мне интересно до жути. Как думаешь, что там может быть? Драгоценности? Или золото?..

— Кто знает, — я пожал плечами. — Может, медали, может, еще что.

Федор Евгеньевич действительно примчался быстро. Только успели расставить блюдца и вскипятить чайник, как зазвенел дверной звонок.

— Федя, заходи, — приветствовал его отец. — Я тут твой любимый торт купил, «Графские развалины»...

— Это на него ты деньги у фонтана клянчил? — сердито спросил сын.

— Ладно, кто старое помянет, тому глаз вон, — примиряюще ответил старик. — Ты прости меня, Федь, неправ был.

— Нашел, что ли?

— Нашел. Женька, тащи находку!

Того просить два раза не надо, миг — и на столе круглая, инкрустированная перламутром шкатулочка, размером чуть меньше заварочного чайничка, стоящего рядом.

— Из-за нее ты так сердился? — хмыкнул сын. — Даже предположить не могу, что ты там хранишь, что из-за этой вещицы ты со мной пять лет не разговаривал.

— Там, сынок, самая дорогая для меня вещь, — ответил Евгений Федорович, торжественно снимая с шеи цепочку с ключиком.

— Понятно, что очень дорогая, раз столько лет ключ на шее носишь, — прокомментировал внук, горящими глазами пожирая шкатулку.

Даже я, посторонний человек, затаил дыхание, пока старик медленно, наслаждаясь вниманием, открывал замочек. Крышка с щелчком откинулась и...

И нашим взорам предстала розовая вставная челюсть! Я замер, забыв закрыть рот, внук Евгения Федоровича рухнул обратно на стул, прикрыл лицо ладонью и театрально-громко простонал: «Зачем так жестоко!», — а сын — солидный человек в строгом костюме и при галстукe — громко и неожиданно тонко взвизгнул.

— Батя, ну что ты не сказал? — сквозь смех спросил он отца. — Я бы тебе пять штук таких сделал!

— Пя-аать... — скривившись, проворчал Евгений Федорович. — Да хоть десять, а все не то! — он бережно, будто великую ценность, вытащил протез из шкатулки, не по-стариковски резво метнулся к раковине и, сполоснув под краном, вставил в рот. — Пять штук, как же... — проворчал старик, — я их семь сменил за это время — и ни один не подошел. Ну вот не то, и все тут! А этот... этот как родной сидит!

Он подмигнул нам и широко, зубасто, улыбнулся.